

Дискуссионная трибуна

Китайский опыт: модель или антимодель?

© 2014

А. Салицкий, В. Тацкий

Многие развивающиеся страны проходят этап рыночных реформ и либерализации внешнеэкономической сферы, но немногие добились успехов, сопоставимых с достижениями Китая. Секрет, по-видимому, заключается в том, каким именно образом проводятся эти важнейшие преобразования и насколько они учитывают местные и внешние условия.

Ключевые слова: промышленная система, локализация, глобальные цепочки стоимости, норма накопления, инфраструктура, глубина развития.

Для начала заметим, что даже при сравнении среднедушевых показателей Китая с аналогичными индикаторами в динамичных соседях по Восточной Азии (включая ЮВА) китайский рост можно признать феноменальным. В 1980 г. уровень дохода в КНР был ниже, чем в Таиланде в пять раз. Этот же показатель в Индонезии был в три с половиной раза выше китайского, а разрыв с Филиппинами был четырехкратным. К 2013 г. Китай догнал Таиланд по уровню среднедушевого дохода, а Индонезию и Филиппины опередил по этому показателю в два — два с половиной раза.

Индии, наращивавшей темпы роста все три последних десятилетия, Китай в 1980 г. уступал по среднедушевому доходу примерно в полтора раза. Теперь он ее превосходит как минимум в два с половиной — три раза. Это сравнение особенно показательное, так как элиминируется фактор масштаба хозяйства при изначально схожих индикаторах развития азиатских исполинов, не говоря уже о репрезентативности опыта стран, в которых проживает 19 и 17% мирового населения соответственно.

Конечно, по среднедушевым показателям КНР продолжает значительно уступать первой четверке НИС (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). Но практически во всех этих странах и территориях, ставших пионерами экспортной ориентации, географические условия изначально были гораздо более подходящими для международной торговли, становления современной инфраструктуры и ориентированной на внешние рынки обрабатывающей промышленности.

Четверка НИС представлена к тому же относительно не крупными территориальными образованиями, в экономической истории которых внешние факторы сыграли за-

Салицкий Александр Игоревич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. E-mail: sal.55@mail.ru.

Тацкий Владимир Витальевич, кандидат экономических наук, первый вице-президент ОАО Газпромбанк. E-mail: V.Tatsiy@gazprombank.ru.

метную положительную роль. Так, в Южной Корее в 1955–1970 гг. использование внешней помощи обеспечило свыше половины инвестиций в экономику страны, примерно такая же ситуация наблюдалась на Тайване в 1950-е — первой половине 1970-х годов, а в Сингапуре иностранные инвестиции в основные фонды в 1970-е — 1980-е годы составляли 2/3 их общего объема.

Кроме того, индустриальное развитие НИС (как и Японии) в 1950-е — 1960-е годы облегчалось сравнительно невысокими в тот период мировыми ценами на сырье и топливо. В результате страны этого островного и полуостровного пояса могли концентрировать усилия и ресурсы на обрабатывающей промышленности, избегая дорогостоящих вложений в добывающую индустрию и инфраструктуру отдаленных внутриконтинентальных районов.

Промышленность и экспорт

Вполне вероятно, что именно «облегченная» (неполная) промышленная структура НИС подсказала китайским реформаторам первые шаги (1979–1982 гг.). Они, как известно, состояли в урегулировании экономики и перенесении внимания на товаризацию сельского хозяйства, производство и экспорт потребительской продукции — в том числе за счет значительного сокращения инвестиций в тяжелой промышленности.

Вместе с тем эта передышка, а также скромные поначалу успехи в развитии экспорта готовых изделий и привлечении иностранных инвестиций¹ показали, что полномасштабное перенесение на китайскую почву восточноазиатской экономической модели² малореально.

Внешние факторы в тот начальный период экономических реформ, конечно же, не могли сыграть ощутимую роль в преобразовании гигантской страны, решившей после некоторых колебаний, покончив с изоляционизмом, все же в основном сохранить верность *принципу опоры на собственные силы*. Примером такого разумного консерватизма стал отказ в середине 1980-х годов от гигантского кредита МБРР (200 млрд долл.), условия которого сужали экономической суверенитет страны и ее международную специализацию.

Комментируя выступление на сессии ВСНП весной 1986 г. тогдашнего премьера КНР Чжао Цзяяна, известный американский исследователь экономики Китая Н. Ларди находил «поражительными» призывы прилагать все усилия к тому, чтобы производить в стране все что возможно, и к максимальному замещению импорта. Для Н. Ларди такая линия выглядела противоречащей обозначенной в докладе Чжао Цзяяна задаче повышать конкурентоспособность страны на внешних рынках³.

Стремление к всемерной локализации промышленного производства в качестве одного из компонентов опоры на собственные силы формулировалось в КНР как создание «относительно целостной системы промышленности»⁴. В этом в период глобализации проявилось одно из главных и ярких отличий китайской индустриализации от «частичных» (неполных) индустриализаций большинства развивающихся стран. В подавляющем большинстве этих государств участие в «глобальных цепочках создания стоимостей» (GVC) и специализация на их трудоемких звеньях зачастую остаются единственным способом внешнеэкономической специализации. Китай, естественно, в этих цепочках тоже участвует, но старается замкнуть их на себя, упорно проводя политику повышения доли добавленной на территории страны стоимости в цене экспортных (и потребляемых в Китае импортных) товаров.

Характерно, что уже в наши дни китайский опыт движения к комплексной промышленной системе получил высокую оценку в странах ЮВА. Тайский аналитик подчеркивает в связи с этим, что в планах АСЕАН теперь содержится положение о создании в перспективе единой производственной базы для 630 млн жителей этого региона⁵.

И в новом веке в Китае продолжили движение по пути создания полноотраслевой промышленной структуры, сочетая привычное замещение импорта и развитие экспорта, а также стремясь по возможности локализовать производство по всей технологической цепочке. При этом ведущие промышленные корпорации страны, выйдя на глобальные рынки, пытаются, как и все глобальные игроки (в том числе восточноазиатские концерны), интегрировать апстрим и даунстрим, добиться контроля над наиболее выгодными звеньями разработки, изготовления и распределения продукции.

Постепенно уходит в прошлое преимущественная специализация китайской промышленности на трудоемкой продукции (при сохраняющейся социальной важности массива малых сельских предприятий, образовавшихся в ходе крупномасштабной мануфактуризации деревни в годы реформ).

Индустрия Китая стремительно модернизируется, что хорошо показано в недавнем исследовании McKinsey. Аналитики компании провели, в частности, сравнение структуры китайской промышленности (включая предприятия с иностранным участием) с мировой индустрией⁶.

Выяснилось, что по доле *трудоемкой* продукции в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (10%) китайский показатель теперь не очень намного отличается от глобального индикатора (7%).

Удельный вес *технически сложной* массовой продукции, произведенной крупными корпорациями для внутреннего рынка страны, в Китае такой же, как и в среднем по миру (около трети). Среди китайских игроков в этой сфере выделяются Bohai Chemical, ChemChina, China Resources Pharmaceutical Group, First Automotive Works (FAW), Midea, Shanghai Automotive Industry Company (SAIC), Shanghai Electric, Sinochem.

Следующая группа, выделенная экспертами McKinsey — *энергоемкие и ресурсоемкие* товары. Их китайская промышленность производит больше (25%), чем в среднем по миру (22%). Основные китайские игроки — Baosteel, Chalco, China Minmetals, China National Petroleum (CNPC), Shandong Chenming Paper, Sinopec.

Еще одну группу образует сравнительно простая *стандартная* продукция, производимая ТНК для местных рынков — продовольствие, напитки, печатная продукция, табачные изделия. Здесь китайская промышленность (20%) значительно уступает мировому индикатору (28%). Крупные китайские производители: China Tobacco, COFCO, Mengniu Dairy, Wahaha.

И, наконец, последняя группа товаров — *высокотехнологичная* продукция. Здесь доля китайской промышленности такая же, как и среднемировой индикатор (9%). Достойны упоминания Hisense, Huawei, Lenovo, Mindray, Semiconductor Manufacturing International (SMIC), Shinva Medical, Spreadtrum, ZTE.

Добавим, что по доле высокотехнологичной продукции в экспорте обрабатывающей промышленности (26%) Китай в конце нулевых годов догнал Южную Корею, превзошел США и Японию (18 и 17%), уступая, впрочем, Малайзии (43%) и Сингапuru (45%).

Иными словами, можно смело говорить о решительном и успешном преодолении китайской промышленностью технической отсталости. В свою очередь комплексная промышленная структура в сочетании с масштабом хозяйства и внешней торговли, а также энергичной экспансией китайских корпораций за рубеж дала и другой важнейший итог — преодоление зависимого положения в мировом хозяйстве или, по крайней мере, асимметричной зависимости от промышленно развитых стран и их ТНК.

Не менее важно и то, что крупная высококонкурентоспособная промышленность КНР является мощным генератором платежеспособного спроса на разного рода инновации, с одной стороны, и средством их массового тиражирования, с другой⁷.

Таким образом, индустриальное становление Китая, вписавшее одну из самых ярких страниц в мировую историю промышленной революции, в известном смысле завершено⁸. При этом доля обрабатывающей промышленности (наиболее производитель-

ного сектора хозяйства) в ВВП КНР составляет 30% (2011 г.) против 24% в Индонезии, 16% в России, 14,5% в Бразилии и лишь 14% в Индии. Возможно, столь высокий показатель — один из основных секретов высокой экономической динамики в КНР.

«Индустриализация нового типа» и сервисизация экономики, развернувшиеся на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., сигнализируют о начале новой крупной фазы в экономической истории страны. Фаза началась в условиях, когда Китай в эти рубежные годы стал крупнейшим мировым изготовителем промышленной продукции, а также ее экспортером (табл. 1).

Таблица 1.

Доля отдельных стран и групп стран в мировом экспорте товаров в 1948–2012 гг., %

Страны/годы	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2012
КНР	0.9	1.2	1.3	1.0	1.2	2.5	5.9	9.9	11.4
Шестерка*	3.4	3.0	2.5	3.6	5.8	9.7	9.6	9.6	9.7
США	21.7	18.8	14.9	12.3	11.2	12.6	9.8	8.7	8.6
Германия	1.4	5.3	9.3	11.7	9.2	10.3	10.2	9.2	7.8
Япония	0.4	1.5	3.5	6.4	8.0	9.9	6.4	4.8	4.9
Великобритания	11.3	9.0	7.8	5.1	5.0	4.9	4.1	2.9	2.6
Индия	2.2	1.3	1.0	0.5	0.5	0.6	0.8	1.3	1.6
СССР/СНГ	2.2	3.5	4.6	3.7	5.0	1.5	2.6	3.7	4.3

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея

Рассчитано по: *International Trade Statistics 2010*. Geneva: WTO, 2010. P. 14; URL: comtrade.un.org

Перечисленные достижения имеют важные мирохозяйственные и внешнеполитические следствия, на которых мы подробно остановимся в конце раздела.

Здесь же обратим внимание еще на два обстоятельства, существенно отличающие экономику КНР от хозяйств не крупных развивающихся и многих восточноазиатских стран. Во-первых, Китай значительно менее зависим от экспорта. Объем экспорта (реэкспорта) в расчете на душу населения в странах и территориях «шестерки» в целом в семь раз выше. В Таиланде (сопоставимым с Китаем по уровню дохода) он выше, чем в КНР примерно вдвое⁹.

Во-вторых, в китайской внешней торговле неуклонно растет доля продукции, полностью произведенной на территории этой страны. Против мирового показателя примерно в 60%¹⁰ доля продукции, произведенной в рамках GVC, составляет во внешней торговле КНР около трети, снизившись за последние семь лет с половины ее объема. В экспорте эта доля составляет 42% (2012) против 55% (2005).

Парадоксальным образом (возможно, в силу масштаба хозяйства) Китаю удается наращивать свое присутствие в мировой экономике одновременно с ослаблением некоторых видов зависимости от нее. Подчеркнем еще один момент: в 2005–2012 гг. курс юаня к доллару повысился на 30%. Одновременно КНР значительно увеличила свой вес в мировой торговле. Стало быть, конкурентоспособность китайской промышленности опирается уже не только на ценовые, но и другие факторы, включая системность и скоординированность местной промышленной структуры.

Иными словами, китайский опыт (эта экономика дала *количественно беспрецедентный* в новейшей истории пример успешной и сжатой во времени промышленной революции, который трудно анализировать и прогнозировать по привычным для нас схемам и эконометрическим формулам) выявил, что нет больших противоречий между двумя процессами. Это развитие комплексной, полноотраслевой индустриализации, с одной стороны, и использование на внешнем рынке сравнительных преимуществ в целом ряде

отраслей — с другой. Если угодно, в китайском случае мы имеем Д. Рикардо и И. Фихте «в одном флаконе» гигантского хозяйства.

Накопление и инфраструктура

Беспрецедентно *высокая доля накопления* в ВВП КНР — еще одно важное отличие этой гигантской экономики в новом веке. Заметим также тенденцию к повышению этого показателя в последние двадцать лет — за исключением периода рубежа столетий, когда кабинет Чжу Жунцзи (1998–2003 гг.) провел довольно жесткую реформу государственного сектора. В других азиатских странах в этот период снижение накопления, впрочем, было еще более значительным, но в силу внешних причин — и главным образом из-за кризиса 1997–1998 гг. (табл. 2).

Таблица 2.

Норма накопления в отдельных странах Азии в 1980–2012 гг., %

Страны\Годы	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2012
КНР	32	36	42	35	42	48	49
Индия	18	26	26	24	35	37	36
Индонезия	26	31	32	22	25	32	35
Вьетнам	—	14	27	30	34	36	27
Таиланд	28	42	43	22	31	26	27
Южная Корея	31	38	37	31	30	30	28

Источник: *Key Indicators for Asia and the Pacific 2013. Manila: ADB, 2013. P. 216. Данные округлены.*

По сравнению с другими азиатскими странами, имеющими или имевшими в прошлом высокие показатели накопления, Китай выделяется также *более высокой долей индустрии в целом* (включая, помимо обрабатывающей промышленности, строительство, энергоснабжение и пр.) в ВВП. В 2012 г. указанный индикатор (начавший, как уже отмечалось, снижение в последние годы) составил 45% против 26% в Индии. Видна, таким образом, очень значительная разница между двумя крупнейшими странами мира. Она гораздо меньше при сравнениях КНР с Восточной Азией: доля индустрии в ВВП составляет 44% в Индонезии, 40% в Таиланде, 39% в Южной Корее¹¹.

Оба представленных выше рекордных показателя вполне объяснимы, если принять во внимание масштабы инфраструктурного строительства в современном Китае. Бум в этой отрасли, захвативший страну в первом десятилетии нынешнего века и нередко критикуемый с позиций финансовой эффективности, в том числе, несколько неожиданно для аналитиков, — и в самой КНР после прихода к власти нового руководства в 2012–2013 гг., имел под собой, если вспомнить недавнюю историю, весьма серьезные основания.

К началу века стали, в частности, слишком заметными и социально опасными разрывы в уровне благосостояния прибрежных и внутренних провинций Китая. Кроме того, значительных масштабов достигли сбережения населения в банковской системе — в том числе по причине слабого развития социального обеспечения. Родилась и затем была воплощена в жизнь идея «занять денег у детей и оставить им современную инфраструктуру»¹².

Заметим попутно, что показатели эффективности, принятые в развитых странах (где на остаточную продуктивность факторов производства приходится более половины прироста ВВП), не вполне приемлемы в развивающейся Азии¹³. В этой части света исключительная острота проблемы аграрного перенаселения снижает цену труда. Набор дешевой рабочей силы из сельской местности в промышленность или услуги оказывается более простым и эффективным способом увеличения выпуска продукции.

За счет работы в две-три смены лучше используется оборудование, быстрее происходит его обновление, что дает новые рабочие места и положительную обратную связь между накоплением и занятостью.

Считая экономию капитала и труда признаком «современного» или «интенсивного» роста, теоретически и практически трудно решить проблему обратного превращения высвободившихся денег в реальный производительный капитал: «излишек» в эпоху глобализации, как правило, уходит в финансовую сферу, нередко — за рубеж. Поэтому приложение к экономической политике только критериев финансовой эффективности в долгосрочном плане ведет к снижению реальной заработной платы и/или росту безработицы. Между тем повышение капиталовооруженности труда на ведущих предприятиях одновременно с приростом занятости в экономике в целом — жизненная потребность и, подчеркнем, возможность — если малый и средний бизнес имеют доступ к современной инфраструктуре¹⁴.

Китай в последние годы нередко упрекают в принесении потребления в жертву накоплению. Действительно, в последнее десятилетие наблюдается сокращение относительной доли домохозяйств в ВВП КНР. Этот показатель составляет в настоящее время порядка 36% против 45% в начале века. Тем не менее, снижение доли потребления в ВВП не мешает динамично расти потреблению в абсолютном выражении — благодаря высоким темпам экономического роста¹⁵.

Говоря же об эффективности инвестиций, заметим, что в КНР в 2001–2007 гг. приростная капиталоемкость ВВП¹⁶ снижалась (составив в среднем 4,1), достаточно благоприятно выглядит этот показатель и в целом за период 2001–2012 гг. (табл. 3). Заметим практически прямую связь между накоплением и экономическим ростом в Азии в этот период и постепенное ухудшение показателя приростной капиталоемкости по мере роста среднедушевого дохода — если сравнить, например, Таиланд и Южную Корею.

Таблица 3.

Средние показатели за 2001–2012 гг.

	Норма накопления	Прирост ВВП	Капиталоемкость роста ВВП
КНР	44,0	10,1	4,4
Индия	33,0	7,4	4,5
Индонезия	27,2	5,4	5,0
Вьетнам	35,0	6,9	5,1
Таиланд	25,9	4,1	6,3
Южная Корея	29,3	3,9	7,5

Рассчитано по: *Key Indicators for Asia and the Pacific 2013*.

В то же время средний показатель капиталоемкости роста ВВП в Китае за последние три года (5,3), при его ухудшении до 6,2 в 2012 г. вызывает определенную тревогу. Ухудшение, впрочем, имело место и во всех других сравниваемых странах¹⁷, чуть лучше китайского этот индикатор был в 2010–2012 гг. только в Индии и Индонезии (5,2).

Между тем уже ясно видно, что китайская экономика теперь качественно превосходит хозяйства этих двух крупных стран по уровню развития «жесткой» инфраструктуры. Как невесело пошутил один индийский коллега, «в Индии строят то, что в Китае уже сносят». При этом мощный строительный комплекс КНР значительно облегчает внешнюю экономическую экспансию этой страны, своеобразное «пристраивание» к ее промышленной системе зарубежных сбытовых сетей, источников природных ресурсов и т.п.¹⁸

Главные задачи инфраструктурного строительства в крупных развивающихся странах все же преимущественно внутренние. В их числе консолидация и развитие наци-

онального рынка, увеличение занятости и повышение мобильности рабочей силы, а также других факторов производства. Требуя поначалу долгосрочных капиталовложений, а значит и государственной поддержки, создание инфраструктуры в дальнейшем позволяет организовать «глубину развития»: проявить сравнительные преимущества регионов, оптимизировать размещение производительных сил, улучшить экологическую ситуацию на наиболее густонаселенных территориях. В этом смысле КНР, бесспорно, лучше других способна к стратегическому и комплексному планированию экономического развития (и располагает для этого необходимыми институтами, в частности Госкомитетом по делам развития и реформ).

Характерно, например, то, что Китай уже давно и смело идет на весьма дорогостоящие вложения в «чистые» инфраструктурные объекты. В 2010 г. впервые в истории развивающиеся страны опередили развитые государства по стоимости реализованных «зеленых» проектов в энергетике. К ним относят применение энергии ветра, солнца, современных технологий использования биоресурсов и т.п. Суммарные инвестиции развивающихся стран в данную отрасль составили 72 млрд долл., причем на долю Китая пришлось почти 49 млрд долл., на 28% больше, чем в 2009 г. Для сравнения можно заметить, что все европейские страны вложили в «зеленые» проекты 35 млрд долл. — на 22% меньше, чем в 2009 г.¹⁹

Инвестиционный пыл Китая несколько поостыл в 2012 г. в связи с непростым процессом передачи власти, однако страна сохранила высокий уровень вложений в новую энергетику. Мировой вклад в ВИЭ-генерацию в целом составил чуть больше 240 млрд долл. На Китай пришлось 65 млрд долл. (или 27%), пока еще чуть меньше, чем в ЕС в целом, но много больше, чем в США (34 млрд) и Японии (16 млрд), вместе взятых²⁰.

Иными словами, КНР примкнула к числу мировых лидеров в важной отрасли перспективного жизнеобеспечения человечества, которая, впрочем, одновременно является крупным рынком реализации новых технологий и сферой острой конкурентной борьбы.

Инфраструктурное строительство при наличии его собственной материальной базы внутри страны способно, как показал недавний китайский опыт, оказаться и важным рычагом преодоления последствий кризисных явлений в мировом (западном) хозяйстве, ликвидации «провалов рынка», стимулирования активности частного капитала и т.п. Понятно, что другим необходимым элементом в такие периоды становится подчинение финансового (банковского) сектора интересам развития реальной экономики, сохранение (удешевление) доступного, в том числе долгосрочного, кредита. Этот важный элемент также присутствует в китайском хозяйственном арсенале.

В целом же можно, по-видимому, констатировать, что в крупных развивающихся государствах задачи инфраструктурного освоения обширных внутренних территорий надолго закрепляют за центральным правительством функции «государства развития» — стадии, которая уже пройдена наиболее развитыми восточноазиатскими странами²¹.

В Китае же незавершенность урбанизации (мыслимой как процесс, нуждающийся в жесткой организации), а также другие причины (включая экологические проблемы, масштаб хозяйства и пр.), заставляют продлевать данную стадию.

Другое дело, что все это не мешает КНР по примеру более развитых восточноазиатских соседей постепенно передавать промышленную (инфраструктурную) политику и инновационную функцию в руки крупнейших национальных корпораций (на них в 2012 г. пришлось около 75% всех расходов на НИОКР), в большинстве своем, впрочем, так или иначе контролируемых государством.

Говоря о разнице в нынешнем инфраструктурном обеспечении Китая и Индии, обратим внимание еще на одно обстоятельство. В обеих странах решающую роль в трансформации сбережений в накопления играют крупные государственные банки (в том числе специализированные финансовые институты развития) — при некотором повышении

в нулевые годы роли фондовых рынков. Однако в приоритетах банковских стратегий между двумя странами существует ярко выраженное отличие.

В Китае, где одним из алгоритмов рыночных реформ был, повторим, принцип «держат крупное, отпустив мелкое», госбанки в основном сосредоточились на кредитовании крупных государственных корпораций. В последние годы эту политику нередко критикуют, и в ней происходят определенные изменения в сторону большего внимания к частному сектору, потребительскому кредитованию и т.п. Хотя в целом картина изменилась незначительно.

В Индии банки, в том числе частные и иностранные, были, наоборот, изначально, причем в законодательном порядке, ориентированы на поддержку малого и среднего бизнеса. Для них регулятором установлен обязательный показатель по кредитованию этого сектора (40% кредитного портфеля).

В какой-то мере эти различия, а также тот факт, что Индия неизменно уступала Китаю по норме накопления, сказались на темпах создания общенациональной инфраструктуры, консолидирующей внутренние рынки и предьявляющей огромный спрос на инвестиционные товары²². Достаточно заметить, что по среднедушевому потреблению электроэнергии КНР ныне превосходит Индию в пять (!) раз²³.

Заметим и еще один важный момент (также, кстати, отличающий Китай и Индию). Усиление позиций частного сектора в промышленном производстве и экспорте в КНР сопровождается в нынешнем столетии постоянным ростом доли государственных расходов (и доходов) в ВВП. С 16,3% в 2000 г. этот показатель вырос до 18,3% в 2005 г. и 24,2% в 2012 г.²⁴

При выросшем в последние четыре года дефиците бюджета КНР удается удерживать инфляцию в пределах 2–5% — параметрах, обычных для наиболее развитых стран Восточной Азии (в Индии, к сожалению, добиться такой стабильности пока не удалось²⁵).

Иначе говоря, в Китае повышение нормы накопления и государственных расходов в годы кризиса в западных хозяйствах пока себя оправдывает. Усиление государственного перераспределения, вероятно, является и необходимым звеном политики расширения внутреннего спроса, подтвержденной с особой силой новым руководством Китая. Более равномерное распределение доходов, как известно, теоретически увеличивает массовый спрос, а значит и емкость внутреннего рынка.

Пекинский консенсус или антимодель?

Китайский опыт развития часто и во многом справедливо рассматривают как теоретический противовес неолиберальной модели, альтернативу Вашингтонскому консенсусу.

Для этого есть вполне надежные основания: естественные, исторические, политические. Колоссальны, например, *естественные* различия в обеспеченности трудовыми и природными ресурсами хозяйств США и Китая. *Исторически* уже восточноазиатская модель (а до нее германская, японская и советская), на которые во многом ориентировались в КНР в годы реформ, во многом были противоположны англосаксонской. Наконец, *политически* китайский опыт развития был еще и искусным преодолением курса на сдерживание развития, фактически проводившегося международными финансовыми институтами в последние четверть века²⁶.

Характерно в этом смысле отсутствие у китайских реформаторов²⁷ и аналитиков каких-либо иллюзий по поводу характера глобализации. «Вероятность новой мировой войны невелика, однако на наших глазах, проникая во все уголки земного шара, стремительно разворачивается мировая экономическая война — и от нее никуда не денешься», — отмечал в конце 1980-х годов видный китайский международник²⁸.

Добавим, что китайский подход к инфляции почти противоположен современному монетаризму: цены на товары и услуги удерживаются не столько за счет ограничения денежного предложения, сколько путем кредитного стимулирования деловой активности, увеличения производства товаров и услуг. К этому прибавляется государственное регулирование цен — не только их административное регламентирование, но и товарные интервенции, серьезные вложения в биржевую инфраструктуру и т.п. Вдобавок китайский ЦБ прямо подчинен правительству.

Тем не менее все перечисленные и многие другие особенности китайского хозяйства и управления им вряд ли стоит представлять в виде модели, которую можно легко перенести на почву других развивающихся или переходных стран. Большинству из них, например, просто не хватает масштаба для становления полноотраслевой национальной промышленности и емкого рынка средств производства (отсюда и многочисленные проекты региональной интеграции в современном мире).

Можно, разумеется, расширить сферу противоречий между китайским путем реформ и западной ортодоксией на политико-идеологическую область, обозначив современный Китай в качестве чуждого Западу авторитарного устройства, неудобоваримого государственного капитализма и т.п.²⁹ Тогда Пекинский консенсус (в силу его успешности) начинает выглядеть еще и удобным инструментом критики западного мира, оказавшегося в последние годы в полосе серьезных кризисов. Однако такая критика не всегда будет конструктивной, более того, существует опасность, что ею станут прикрывать авторитаризм *per se* — при, добавим, нежелании всерьез воспринять уроки китайского опыта. Он же во многом является сугубо индивидуальным, сборным, содержащим контрастные региональные решения и т.п.³⁰ Его действительное содержание носит принципиально *антимодельный* (мультимодельный) характер, возводя на первое место рационально-практический, конкретный и неторопливый подход к делу, не исключающий, разумеется, заимствования, да и прямого копирования полезных западных образцов в экономике и политике.

Корни этого подхода можно, на наш взгляд, поискать в самих реалиях огромной страны. Квалифицируя КНР как аграрное общество, многие экономисты вкладывают в это понятие оттенок некой недостаточности этой страны, ее бедности, отсталости... Забывая при этом о поголовной грамотности китайской деревни, ее традициях самоорганизации, уже существующей реальной выборности местных властей и даже регулярных массовых выступлений крестьян в защиту своих прав в современном Китае.

Между тем, по нашему мнению, один из секретов успехов Пекина заключается как раз в исконном — крестьянском, глубоко утилитарном, взгляде³¹ на экономическое развитие как процесс, нуждающийся в планировании и расчете, последовательности³², относительной стабильности цен, коллективном подходе к решению крупных проблем, в том числе предупреждению катастроф и борьбе с их последствиями.

Не стоит сбрасывать со счетов и универсализм крестьянского взгляда на мир — в противоположность (дополнение) к узкопрофессиональному — городскому. Не забудем привычку к разумному ограничению трудовых затрат и потребностей³³ — то, что в конфуцианском мире называют «сяокан». С сохранением этого взгляда, возможно, следует связывать и успехи, и будущий вклад Китая в действительное благоустройство планеты — не только как промышленного, постиндустриального и агропромышленного, а как рационально-экономного и потому еще и экологичного мира.

Отчасти в этом пункте, возможно, как раз и заключен действительный узел противоречий между Пекином и Западом. Заземленный, нацеленный на практику «коммунистический Китай» выглядит теперь гораздо менее индоктринированным обществом, чем «свободный Запад» с его глобальными претензиями. Лицемерно выглядят, например, бомбардировки Ливии, едва покинутой китайскими строителями, с последующим обращением «гуманных» европейских лидеров к Пекину с просьбами дать взаймы. Противоречат духу глобализации и здравому смыслу многочисленные ограничения на инвести-

ции китайских компаний в экономику развитых стран. Странными выглядят обвинения Пекина в проведении «колониальной» политики в Африке и др.

Парадокс нынешнего исторического момента еще и в том, что если на Западе сложившуюся экономическую систему все чаще атакуют слева, то Китай практическими действиями «критикует» Запад, например, покупкой (не-покупкой) или продажей госдолгов развитых стран, апелляциями к нормам ВТО и т.п.

Имеющиеся успехи — не гарантия их повторения в будущем. Мы далеки от того, чтобы не видеть всей остроты проблем, стоящих перед Пекином — в том числе в социальной области. Куда более требовательным становится и китайское общество. Как и везде, здесь кипят страсти по поводу неравномерности распределения доходов, коррупции и т.п. Упомянутая выше задача расширения внутреннего рынка и спроса, помимо дальнейшего развития инфраструктуры, потребует очень энергичного и масштабного маневра, напоминающего «великое сжигие»³⁴ в США. К такому маневру Пекин довольно жестко вынуждают и внутренние социально-политические причины, и подчеркнуто государственный взгляд на мир, и уже приобретенные статусные характеристики (но это совсем не означает, что маневр будет удачным).

«Китайская антимодель» — это не учебник по социально-экономическому развитию. Это всего лишь ясно вытекающий из опыта огромной страны имплицитный призыв к творческому подходу к любым теориям и учету национальной специфики, местных условий.

Где-то есть условия для становления высокотехнологичных *укладов* (но не обществ!) или их *сегментов*³⁵, где-то на повестке дня аграрные реформы, где-то — начальная или повторная индустриализация³⁶. Где-то стоит либерализовать экономику, где-то пойти по пути приватизации. Где-то, наоборот, не обойтись без национализаций, государственного планирования и государственного капитализма, исторически, кстати, одинаково свойственного Гоминьдану и КПК. Китай же просто освобождает своим примером пространство для эволюционного возвращения к большему разнообразию проектов и инструментов — из сегодняшней лихорадочной погони за доверием «глобальных» инвесторов и высокими оценками рейтинговых агентств (которыми в КНР тоже не пренебрегают). При этом государственный капитализм (если говорить о политическом модусе китайского государства), рыночный социализм или смешанная экономика (если иметь в виду политэкономический базис страны) — вещи, достаточно хорошо известные из опыта многих стран³⁷.

Все же особо отметим одну из черт китайского опыта, имеющую прямую связь с традицией опоры на собственные силы и явное антимодельное содержание. Это очевидное нежелание Пекина полностью интегрироваться в международную финансовую систему в качестве ее рядового участника. Китай фактически постепенно строит собственную «финансомику» с глобальным прицелом и многофункциональным треугольником Шанхай — Гонконг — Шэньчжэнь. Интернационализация юаня по своей сути — альтернатива преждевременной полной конвертируемости национальной валюты как одной из стандартных процедур фиксации зависимого положения слабых стран в мировой экономике. Незадачливые адепты этой схемы, как правило, теряют контроль над национальным капиталом и рано или поздно становятся жертвами политики экспорта кризисов и сомнительных финансовых продуктов.

Китай же, добравшись в середине нулевых годов до стадии капиталодостаточности, уже стал крупнейшим мировым кредитором (если иметь в виду резервы), а в 2012 г. — еще и третьим экспортером прямых инвестиций.

На растущий торговый и технологический протекционизм Запада Пекин отвечает контролем над притоком капитала (и осудного, и предпринимательского, который на внутреннем рынке уже тесним частником³⁸), а также продолжающимся регулированием курса и режима конвертации валюты. Он вполне сознательно затягивает дальнейшее уси-

ление позиций на международных финансовых рынках — в пользу той же внешнеэкономической независимости и по причине растущей достаточности собственного капитала.

Тем временем на просторы мировой экономики вслед за линкорами госкорпораций³⁹ и суверенных фондов начинает выдвигаться флотилия китайского частного капитала, традиционно опирающегося еще и на богатую зарубежную диаспору. Над интересами глобальной экономической аристократии нависает грозная тень всеядного китайского предпринимателя.

Вызов или предложение?

В ответ на вызовы глобализации КНР за последние три десятка лет создала конкурентоспособную промышленную систему и прочные финансы. В наши дни продолжается обростание этого комплекса зарубежными активами и интенсивная консолидация внутреннего рынка Китая. Он все чаще оказывает решающее воздействие не только на движение товарных цен на отдельных мировых рынках, но и саму структуру глобального хозяйства, прочно привязывая к экономике КНР крупные сегменты хозяйств стран-партнеров. Притяжение Китая особенно остро чувствуется в сопредельных странах, где его воспринимают и как угрозу, и как возможности.

Но фактически, как отмечает И.С. Целищев, Китай уже стал экономическим интегратором Восточной Азии, «делясь» с соседями высокими темпами экономического роста и нисколько не претендуя на их гибкий экономический суверенитет⁴⁰.

Уточним И.С. Целищева лишь в одном пункте — о роли государства в экономике Китая. Дело в том, что эта роль в Китае с середины 1990-х годов не только модифицируется, но и усиливается — если учитывать финансовую роль центра, мощь (в том числе зарубежные активы) государственных корпораций, долю бюджета в ВВП, активную кредитную политику, инвестиции в науку и т.д. Не исключено, что это — объективная закономерность хода реформ: логика экономического развития на определенном этапе требует от государства не только защиты результатов рыночных реформ, но и вложений в инфраструктуру и усиления перераспределения — для повышения емкости рынка.

Такая стадия реформ, по-видимому, связана с тем, что основным ограничителем роста становится уже не дефицит капитала, а платежеспособный спрос. В Европе схожий этап приходится на рубеж 1950-х — 1960-х годов. Стоит напомнить, что в этот период в Европе и Японии господствовали национальные межотраслевые концерны (похожие на нынешние корпорации Китая), а государство активно регулировало рынок.

Именно тогда в европейских странах сложились социально ориентированные государства, склонные к конструктивному сотрудничеству с развивающимся миром и содействию ему в развитии — в том числе для расширения своих будущих рынков сбыта.

Зародившиеся тогда и оформленные в 1970-е годы в документах ООН идеи НМЭП до сих пор даже терминологически остаются важной частью официальной внешнеполитической и мирохозяйственной доктрины Китая. И одно из ее недвусмысленных предложений миру — возвращение к тем, возможно, не худшим в истории XX века, временам.

Такое возвращение означало бы частичное восстановление экономических суверенитетов государств, изрядно пострадавших за десятилетия глобализации. И, укрепившись, подобный тренд, помимо прочего, мог бы придать мировому хозяйству дополнительный ресурс устойчивости и антикризисный потенциал.

Хозяйство КНР выглядит в настоящее время как нечто особое, сопоставимое и одновременно обособленное от других центров образования. Возможно, такая обособленность Китая (особенно в финансовой сфере) фиксирует и достижение глобализацией некоего предела в своем развитии, во всяком случае, по линии «центр — периферия». Сохранение же относительно высоких темпов роста в азиатских странах в период 2008–2012 гг. показало, к тому же, что современная эконометрика преувеличивает вклад экспорта в эконо-

мический рост (а заодно и выгоды от либерализации внешней торговли). Несмотря на тесное переплетение национальных хозяйств в результате глобализации, экономически крупные государства демонстрируют достаточно высокий уровень автономности, способность сохранять и даже повышать темпы роста при вялой динамике в развитых странах.

Опережающее развитие сферы услуг (многие виды которых теснее привязаны к национальной культуре и языку, чем стандартное промышленное производство), ставшее теперь реальностью и в Китае⁴¹, усиливает фрагментацию мирового хозяйства⁴², его полицентризм, и, опять-таки, стремление к национальному обособлению.

Начавшаяся реиндустриализация в США и призывы к инсорсингу или решорингу (а фактически — к «древнему» замещению импорта) в других развитых странах — еще и дань вызову в промышленном развитии со стороны Китая и Восточной Азии. Иначе говоря, и здесь заметна тенденция к фрагментации мировой экономики, подтверждающая движение планеты к полицентричному устройству, во-первых, и некоторой деглобализации (в том числе за счет регионализации), во-вторых⁴³.

Основное противоречие, выявившееся в ходе глобализации, можно сформулировать как сущностное различие между продолжением модернизации, ориентированной на внутренние цели и ресурсы, с одной стороны, и интеграцией в мировую экономику, с другой. Смещение цели и средства, чрезмерный упор на интеграцию чреват срывом модернизационного процесса. Иначе это противоречие можно представить как выбор между самостоятельным и зависимым развитием. Последнее почти неизбежно означает социальное расслоение и углубление анклавности, не оставляя государству достаточных рычагов перераспределения доходов. Усложняет ситуацию и то, что без продуманного участия в глобализации модернизация невозможна.

Критика глобализации, достигшая своего пика после азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг., как представляется, позволила Китаю определить достаточно рациональный баланс между модернизацией, мирохозяйственной интеграцией, внутренним рынком и социальной сферой.

Значительная часть стран Азии, включая, безусловно, Китай, добились существенных результатов в независимом развитии (в том числе коллективном региональном). Это, помимо прочего, снизило роль «глобальных» институтов — МВФ, МБРР и ВТО, сделав их ареной равноправных и острых дискуссий. Повысилось значение регионального сотрудничества, в том числе в финансовой области. Соответственно, расширяются возможности выбора путей развития и для других государств, тем более что валютно-кредитная монополия Запада, а с ней и возможность диктовать стратегии развития фактически становятся достоянием прошлого.

При самом активном участии КНР происходит внешнеполитическое возрождение идей развития, в том числе в деятельности БРИКС, ШОС, региональных организаций развивающихся стран (включая АСЕАН). Критика Запада приобретает конструктивный и деловой характер.

Выясняется, что взаимодействие в мировой экономике целеустремленного современного Востока (Восточной Азии) и постепенно осознающего утрату импульсов развития Запада носит теперь куда более симметричный характер, чем три с половиной десятилетия назад. Следовательно, на повестку дня выходит вопрос о совместном поиске новых рецептов и двигателей прогресса — действительно глобальных по содержанию и приемлемых социально.

1. В середине 1990-х годов привлечение Китаем иностранных инвестиций некоторые авторы достаточно справедливо квалифицировали как «тактическую линию, лежащую на фундаменте сталинистской стратегии опоры на собственные силы и преимущественном внимании к произ-

- водству средств производства». (*Chow P.C.Y. Foreign Enterprises in Mainland China: Integration or Isolation // Issues & Studies. 1995. No. 7. P. 93*).
2. Основные черты восточноазиатской модели и ее *альтернативность* англосаксонской модели капитализма хорошо показаны, в частности, в недавнем исследовании И. Целищева. Многие ее черты воспроизведены и в Китае (в прибрежных провинциях), но с существенными отличиями и на другой, менее благоприятной, фазе развития мировой экономики. См.: *Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012.*
 3. *Lardy N.R. China's Entry into the World Economy. N.Y., L.: University Press of America, 1987. P. 44–45.*
 4. *Чжу Жунци. Китай, вступающий в XXI век // Общество и экономика. 1999. № 9. С. 5.*
 5. URL:http://europe.chinadaily.com.cn/opinion/2013-08/15/content_16894894.htm.
 6. URL:http://www.mckinsey.com/insights/manufacturing/a_new_era_for_manufacturing_in_china.
 7. По-видимому, не стоит преувеличивать технологическое превосходство развитых стран, с их переходом на «постиндустриальный» этап выясняется, что разрыв в области сферы услуг (в том числе информационных) можно преодолеть в более короткие сроки, чем отставание в промышленности.
 8. Одно из свидетельств — начавшееся сокращение доли промышленности в ВВП Китая.
 9. С другой стороны, КНР по этому показателю примерно в семь раз превосходит Индию, наглядно демонстрируя более высокую (и не только ценовую) конкурентоспособность промышленности.
 10. *World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. UNCTAD: N.Y., Geneva. 2013. P. 14.*
 11. Очень высока доля индустрии в ВВП нефтеэкспортеров, но это — иной случай.
 12. *Ли Цзиньэнь. Дандай Чжунго цзинци жэдянь фэнси юй чжаньван: [Анализ и прогноз узловых проблем современного Китая]. Пекин, 1998. С. 114.*
 13. Впрочем, вклад ТРП в экономический рост в КНР во второй половине 1990-х годов достиг 35%.
 14. В Китае оправдала себя установка «держат крупное, опустив мелкое». Малый бизнес в промышленности и услугах поглощает избыток труда, а крупная индустрия, опираясь на госбанки, обеспечивает технический прогресс. При этом в ходе развернутой модернизации с 1990 по 2005 г. одновременно выросли и доля промышленности (с 43 до 48% ВВП), и доля услуг (с 32 до 40%), при том, что доля промышленности (включая строительство и пр.) в занятости изменилась незначительно (рост с 22 до 24%). В услугах же занятость подросла существенно: с 18 до 31%. В результате добавленная стоимость на одного занятого в промышленности увеличилась с 5,2 тыс. юаней до 48 тыс., а в услугах — с 4,6 тыс. до 30,6 тыс. юаней. Учитывая же выросший массив сельской промышленности с невысокой производительностью труда, можно, опять-таки, заключить, что главная причина успехов КНР в тот период — индустриализация, и в основном — форсированное развитие крупной промышленности (а не только реформы и открытость, которые в 1990 г. имели уже десятилетний стаж). Добавим, что на долю негосударственных предприятий (не только частных) в КНР приходится примерно 65% ВВП и 80% занятости, т.е. госсектор в целом отличает высокая производительность (а также фондовооруженность).
 15. В пересчете по валютному курсу объем розничных продаж в Китае в 2012 г. составил 3,3 трлн долл. против 4,3 трлн долл. в США. Аналитики Standard & Poor's (S&P) считают возможным преодоление этого разрыва за 5 лет. См.: URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-08/15/content_16896830_2.htm.
 16. Отношение нормы накопления к темпам прироста ВВП. Чем выше этот показатель, тем дороже рост. В развитых странах он близок к 10.
 17. Существенно лучше оказались в эти три года показатели сравнительно некрупных Малайзии и Тайваня (4,1 и 3,9), практически завершивших создание современной жесткой инфраструктуры.
 18. Стоит заметить, что подавляющее большинство китайских ТНК (71 китайская корпорация входит в список 500 мировых лидеров) остаются в основном национальными концернами (нередко межотраслевыми), лишь у трех членов списка доля зарубежных операций превышает 50%.
 19. *Global Trends in Renewable Energy Investment 2011. UNEP, Frankfurt School of Finance and Management, Bloomberg New Energy Finance: Paris, September 2011. P. 9.*
 20. RE№ 21. *Renewables Global Status Report 2013. P. 53.*
 21. Подробнее см.: *Целищев И. С. Указ. соч. С. 16–20.*

22. В связи с этим следует отметить еще одно важное преимущество Китая по сравнению с южным соседом: средний уровень ссудного процента в КНР значительно ниже, кроме того, в структуре кредитов выше доля долгосрочных заимствований.
23. Впереди Поднебесная и по многим другим, в том числе социальным, показателям. Продолжительность жизни в Китае 73 года, а в Индии — всего 64. Удельный вес плохо питающихся детей до пятилетнего возраста в Китае всего 5%, а в Индии — 40%. Поэтому не вполне корректно писать о «демографическом дивиденде» Индии по сравнению с КНР. Не проходит при сравнениях двух гигантов и «институциональный подход». Согласно ему, в начале реформ Индия была в несравненно более выгодном положении: в стране имелись демократическая система, крупные корпорации, ясное правовое поле для бизнеса, получившая образование на Западе элита и т.п.
24. Это выше, чем в России. Примерно такой же уровень государственных расходов достигнут в Южной Корее и Малайзии, где за последние двенадцать лет они также заметно повысились. Небольшое увеличение показателя отмечено также в Индонезии, Таиланде, Вьетнаме, Гонконге. См.: *Key Indicators for Asia and the Pacific 2013*. Manila: ADB, 2013. P. 320.
25. В Индии в 2012 г. правительство М. Сингха пыталось принимать меры по облегчению условий кредитования. Но ситуация с инфляцией оставалась весьма напряженной, и банки медлили с понижением ставок. Стимулирование накопления в Индии затрудняло еще одно обстоятельство: сокращение (даже по абсолютным показателям) сбережений, которые домохозяйства держат в банках: немалая часть населения в Индии предпочла в последние годы «уйти» в традиционно популярный актив — золото (а также недвижимость), страуясь от инфляции.
26. Дж. Стиглиц характеризует эту политику еще и как «экспорт кризисов».
27. Хорошо известно высказывание Дэн Сяопина в адрес западных лидеров (1985 г.): «У этих людей на плечах головы старых колониалистов и они хотят нашей смерти».
28. *Ван Цзикуань*. Предисловие к монографии: *Лу Линьциу*. Вай сянсин цзинци юй Чжунго цзинци фачжань: [Открытые экономики и развитие хозяйства Китая]. Пекин, 1988. С. V.
29. Такого рода оценки игнорируют два важных момента: мирную политическую эволюцию всех без исключения экономически успешных стран Восточной Азии, во-первых, а также растущую открытость (демократизм) современного Китая и действительную коллегиальность руководства в этой стране, во-вторых.
30. В известном смысле «китайскую модель» можно представить даже как существенно различающиеся модели развития отдельных провинций или макрорегионов (Восток, центральные провинции, Запад). Такие контрасты — не редкость в крупных странах, например, в Индии весьма различны социально-экономические модели штатов Гуджарат и Керала. Но не обойтись и без понимания более значимой (и возраставшей в последние полтора десятилетия) роли центра в Китае по сравнению с Индией.
31. Уместно напомнить, что вернувшиеся во второй половине 1970-х годов из ссылки в деревню (*сясян*) горожане (и многие руководящие кадры) сыграли важную внутривнутриполитическую роль в повороте страны к реформам. Упомянем и тот факт, что из 25 членов политбюро ЦК КПК, избранных на XVIII съезде (2012 г.), одиннадцать имели в жизни опыт «сясян».
32. В китайском опыте привлекает еще и последовательное перенесение центра тяжести с сельского хозяйства на промышленность и лишь затем — сферу услуг. Между тем в начале-середине нулевых годов многие аналитики не вполне, как выясняется, обоснованно полагали, что «индустриально облегченная» Индия, раньше других приобщившаяся к постиндустриальным технологиям, имеет немалые преимущества перед Китаем. См., напр.: *Economic Reform In China And India: Development Experience In A Comparative Perspective*. Joseph C. H. Chai, Kartik C. Roy. Northampton, MA: Edward Elgar, 2006.
33. Здесь вполне уместно вспомнить и о двух типах экономического поведения у Н.Д. Кондратьева: максимизации результата и экономии затрат.
34. Этим выражением П. Кругман характеризует резкое усиление равномерности в распределении доходов в США в 1940-е — 1950-е годы в результате воплощения идеологии «нового курса». К такому маневру в США наших дней призывают и другие американские экономисты-либералы.
35. Об очень скромном вкладе высоких технологий в ВВП и занятость даже в США не раз писал П. Кругман. «Цифры о новых рабочих местах в США, — отмечал в сентябре 2011 г. П. Робертс, — не имеют ничего общего с пропагандой о новой экономике».
36. «У США тоже есть промышленная политика — поддержка финансовой индустрии, которая якобы эффективно распределяет капиталы в наиболее перспективные сектора экономики. В ре-

- альности, как мы знаем, все это обернулось лишь раздуванием пузырей на финансовых рынках и в сфере недвижимости», — пишет А. Херш, экономист Центра американского прогресса. По его мнению, Штатам нужна полноценная реиндустриализация.
37. В наши дни гонконгский аналитик отмечает, что Китаю нужно и больше капитализма (имея в виду эффективность инвестиций), и больше социализма — ввиду отставания социальной сферы.
 38. Что не остается незамеченным в остальном мире. Так, из 149 мер инвестиционной политики, проведенных в 2010 г. в 74 странах и проанализированных в докладе ЮНКТАД (World Investment Report 2011), почти треть пришлась на новые ограничения и регламентации, тогда как десять лет назад их доля составляла всего 2%.
 39. Заметим, кстати, тот факт, что число и активность государственных ТНК в целом по миру после кризиса 2008–2009 гг. существенно возросли. По данным ЮНКТАД, в 2012 г. их численность достигла 845 против 650 в 2010 г. Суммарные же прямые инвестиции государственных корпораций увеличились в 2012 г. до 145 млрд долл. (примерно 11% всего их потока). В АТР, представленном в основном развивающимися странами, значение государственных ТНК еще выше. См.: World Investment Report 2013: Global Value Chains and Development: Investment and Value Added Trade in the Global Economy. UNCTAD: New York and Geneva. 2013.
 40. *Целищев И. С.* Указ. соч. С. 96.
 41. Тенденция к сервисизации экономики для развивающихся стран в определенном смысле выгодна. Многие виды труда в сфере услуг механизировать и автоматизировать невозможно. Так как производительность труда здесь ниже, чем в промышленности, увеличение числа занятых в секторе услуг для развитых стран означает общее снижение квалификации работников и нередко стагнацию доходов. Наоборот, для населения развивающихся государств занятость в сфере услуг — существенный шаг вперед по сравнению с работой в низкопроизводительном сельском хозяйстве или неформальном секторе.
 42. Симптоматично, что отношение международной торговли услугами (экспорт плюс импорт) к ВВП в 2008–2012 гг. снизилось в КНР с 7,2 до 5,8%, в Индии — с 15,8 до 14%, Японии — с 6,6 до 5,3%, Индонезии — с 8,9 до 6,6%. См.: URL: data.worldbank.org.
 43. Явно вразрез со стандартами МВФ в части либерализации движения товаров и услуг идут, например, рекомендации развивающимся странам в докладе о торговле и развитии ЮНКТАД 2013 года. См.: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2277845>.